

В.В. Худобина
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный университет
Научный руководитель к.фил.н., доцент Е. Ю. Сафронова

ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИГРОК»

Аннотация

В статье приведен разбор правовых проблем, обрисованных в романе Ф.М. Достоевского «Игрок». Вычленены различные уровни правового дискурса данного произведения: аспектуальный (4 аспекта: конструктивно-функциональный, содержательный (информационный), деятельностно-психологический и программирующий), типологический (типология персонажей) и событийный (разворачивание по схеме криминального события).

Ключевые слова: Достоевский, правовая проблематика, роман «Игрок».

В настоящее время все большую популярность приобретают междисциплинарные исследования. Ученые проводят изыскания на стыке литературы и философии, языкознания и психологии и т.д. Одним из актуальных направлений является изучение взаимодействия литературы и права. В частности, множество работ посвящено правовому дискурсу в творчестве Ф.М. Достоевского, автора, который, по словам Е.Ю. Сафроновой, отличается «постоянной литературно-правовой рефлексией» [10, с. 6].

Изучение правовой проблематики произведений Ф.М. Достоевского имеет долгую историю. Еще в 1881 году, всего через несколько дней после смерти писателя, А.Ф. Кони, российский юрист, общественный деятель и литератор, выступил с докладом «Достоевский как криминалист» [6]. В нем дан детальный разбор самого известного «юридического» текста Достоевского – романа «Преступление и наказание».

Чаще всего данная тема рассматривается либо с исключительно криминографических позиций, либо в аспекте изучения проблем преступления и наказания. Исследователей, прежде всего, привлекают те произведения, в которых описаны явные уголовные преступления, уходящие корнями в архетипические представления о преступном деянии вообще: акты убийства, мошенничества и т.д. И поэтому менее исследованными в правовом аспекте остаются те тексты, в которых такие преступления не описываются. К подобным относится и роман «Игрок».

Интересно само название произведения. Первоначально роман назывался «Рулетенбург» [5], что демонстрирует привязку к топосу, растворение индивидуального человека и общества в нем. В конечном итоге автором выбрано наименование «Игрок». Роман называется не «Игра», что описывало

бы общую стихию рулетки, не «Игроки», как изображение повального увлечения азартными играми, а именно «Игрок», один человек, беззащитный, волею судеб оторванный от родной «почвы». С другой стороны, в таком названии «Игрок» без уточнения имени подчеркнут именно тип, один из многих. Кроме того, в названии заложена идея контраста между правовыми системами Европы и Российской империи: европейскому праву, в условиях которого действует главный герой, присущ индивидуализм. В России же не было личности как субъекта права, ответственность была общинной, сословной. Герои, находясь за границей, чувствуют отдаленность от родных им принципов, становятся друг другу чужими, действуя индивидуально и в рамках исключительно своих интересов.

Е.Ю. Сафронова в статье «Право в художественном сознании Ф.М. Достоевского» [11] выделяет четыре аспекта рассмотрения художественного сознания Достоевского: конструктивно-функциональный, содержательный (информационный), деятельностно-психологический и программирующий. Прикладывая данную аспектуальную схему к роману «Игрок», мы получаем стройную картину нарративного пространства данного романа.

Правовые проблемы и их разрешение являются сюжетными узлами романа. Всего их можно выделить четыре:

- 1) ситуация с наследованием состояния бабушки и мошеннический план Бланш по присваиванию этого состояния себе;
- 2) история с баронессой Вурмергельм и последующий конфликт с генералом по поводу юридической самостоятельности Алексея Ивановича;
- 3) эпизоды игры в рулетку (законность / незаконность игровой деятельности);
- 4) эпизод тюремного заключения главного героя за неоплаченный долг и последующий выкуп, как предполагается, Полиной.

Первая правовая ситуация вместе с приездом Алексея Ивановича составляет завязку романа. Наряду с этим он высвечивает истинное лицо многих героев: практически все нетерпеливо ждут смерти бабушки, надеясь заполучить часть её наследства. Генералу деньги нужны для женитьбы на любимой им француженке Бланш. Сама Бланш надеется после свадьбы отписать наследство в свою пользу. Де Грие рассчитывает на часть денег, полагающуюся Полине. Бескорыстными в этом отношении являются лишь три человека: Алексей Иванович, Полина и англичанин Астлей.

История с оскорблением баронессы Вурмергельм показывает, насколько тяжкими по сравнению с нашим временем были преступления, касающиеся чести и достоинства. Генерал всеми силами пытается замять дело, которое парадоксальным образом может нанести урон репутации Бланш: её уже выдворяли из города за попытку соблазнить, а затем обокрасть барона Вурмергельма, и теперь, в положении невесты генерала, новый скандал, спровоцированный представителем генеральского дома, был ей нежелателен. Как отмечает И.В. Рейфман, «важнейшая особенность дел чести в

произведениях Достоевского – это то, что они, в сущности, никогда не завершаются» [7, с. 182]. Эта особенность реализуется и в данном эпизоде: дуэли между Алексеем Ивановичем и бароном Вурмергельмом не происходит, конфликт попросту затухает, его результатом является лишь увольнение главного героя с должности домашнего учителя. Стоит подчеркнуть, что преступление было совершено Алексеем Ивановичем «по страсти»: так ему приказала сделать Полина, предмет его поклонения и обожания. И он сделал это, он подошел к баронессе с оскорблениями, намеренно говоря на другом диалекте немецкого языка. Учитель задел чужое достоинство, одновременно потеряв свое во власти любви к Полине. Но несмотря на это, Алексей Иванович был готов к дуэли, к защите своего личного пространства: «завтра поутру потребую у барона, от своего имени, формального объяснения причин, по которым он, имея дело со мною, обратился мимо меня к другому лицу, точно я не мог или был недостойн отвечать ему сам за себя» [12, с. 621]. Герой мог вызвать на дуэль и Загорянского: «только одно мое безграничное уважение к вашим достоинствам останавливает меня потребовать от вас теперь же удовлетворения и дальнейшего отчета в том, что вы взяли на себя право за меня отвечать» [там же].

В монографии Е.Ю. Сафроновой «Дискурс права в творчестве Ф.М. Достоевского 1846–1862 гг.», отмечается, что «по законодательству того времени иски по защите личного достоинства имели сословные ограничения и могли быть возбуждены только дворянами» [10, с. 128]. В этой связи становится ясной непонятная поначалу ситуация, в которой генерал пытается уладить конфликт с четой Вурмергельм без участия зачинщика конфликта, Алексея Ивановича. Здесь Достоевским обрисовано бесправное положение домашнего учителя, который пытается доказать всем, что он сам «лицо юридически компетентное». Но не только отличное от дворянского происхождение довлеет над героем. Присутствует в романе еще одна сила, во власти которой, по словам Э.М. Румянцева, находятся все герои: сила денег [8, с. 114]. Герои являются и преступниками, и жертвами, не властными над своими судьбами.

Перенос действия романа в европейскую страну, Достоевский показывает разницу в правовом положении рулетки за рубежом и в Российской империи. Согласно Уложению о Наказаниях уголовных и исправительных (редакция 1857 года), за участие в запрещенных играх (например, в карты, кости) грозил штраф до пятисот рублей, а за повторные нарушения – арест до семи недель. В то же время за границей рулетка процветает: в центре замкнутого городского пространства Рулетенбурга царит тот самый *вокзал*, практически в любое время дня и ночи распахивающий свои двери все новым и новым зачарованным губительной силой рулетки. Этот вымышленный городок живет одной лишь игрой, и поэтому, по словам Л.М. Ельницкой, «воспринимается «порогом» между бытием и небытием, т.е. действительностью призраков, обманов, причудливых метаморфоз» [4, с. 22]. Вокзал так же ассоциируется с

изменением ситуации, исчезновением / появлением чего-либо. И в этом смысле его можно соотнести с рулеткой: она равным образом является порогом, за которым лишь небытие, полное подчинение воли и разума игре.

Эпизоды с рулеткой наполняются метафизическим звучанием: игра ставится на одну чашу весов с любовью, высшей человеческой ценностью. В определенный момент азарт любовного чувства отходит на второй план, оставляя место другому, оказавшемуся более сильным азарту от игры в рулетку; игра-страсть заменяется игрой-рулеткой. Рулетка здесь не просто азартное времяпрепровождение, она – метафора жизни, её равномерного покачивания, тасования удачи и неудачи, её абсолютной непредсказуемости.

В Библии нет прямого запрета на азартные игры, однако желание обогатиться, приводящее людей за игровой стол, порицается, «ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (1 Послание Тимофею 6:9). Следовательно, игру в рулетку можно считать проявлением греховного желания: игрок, садясь за стол, отдает себя во власть дьявола, полагается на удачу, отказываясь от веры в Бога. В.А. Бачинин писал о том, что «преступление не просто грех, а его предельная форма» [1, с. 230], и с данной точки зрения эта азартная игра является преступлением, за которое герой терпит страшное наказание – разрушение собственной личности, фатальное её подчинение игре.

Эпизод тюремного заключения главного героя в Рулетенбурге лишь вскользь упомянут в последней главе его записок. И это неслучайно: таким способом нам говорится о том, что подобные случаи стали типичными для Алексея Ивановича, полностью отдавшего свою жизнь во власть игры, утратившего «четкое ощущение себя и своего места в мире» [2, с. 246].

Описанная Е.Ю. Сафроновой типология персонажей правового дискурса также просматривается в «Игроке». Алексей Иванович представляет собой типичный образ «честного вора», человека, совершающего проступки не со зла, а из-за довлеющей над ней жизненной ситуацией. Один из главных факторов, управляющих жизнью учителя, – страсть к Полине, следовательно, герой вмещает в себя и черты жертвы, подчиняющейся обстоятельствам. Сама же Полина – роковая красавица, которая иногда способна на сострадание и истинные чувства. Но под тяжестью жизненных обстоятельств она вынуждена скрывать свое истинное лицо под маской властной гордячки, второй Настасьи Филипповны, героини романа «Идиот».

Наряду с сюжетно-правовыми узлами в романе можно найти и структуру иного типа. «Игрок» разворачивается по «схеме криминального события» [10, с. 151], типичной для многих произведений Достоевского: просьбы Полины выиграть ей денег в рулетку (искушение) – сама игра, поглощающая все мысли героя (преступление) – скитания по разным странам (наказание). Как видно, элемент покаяния отсутствует: как пишет В.И. Габдуллина, «к осознанию необходимости покаяния и воскресения одержимый идеей игры герой не

способен, принимая за воскресение иллюзорную возможность отыгаться на рулетке» [3, с.191].

Роман «Игрок» во многом автобиографичен. Это касается, прежде всего, детального изображения игровой зависимости, от которой страдал и сам писатель. Как пишет Л.И. Сараскина, «Игрок» стал романом-игрой, в котором писатель-игрок не только сочувствует герою-игроку, но и играет вместе с ним» [9, с. 395]. Также Алексей Иванович попадает в любовную историю, подобную той, что произошла в жизни Достоевского. Речь идет о его взаимоотношениях с Апполинарией Суловой, прямым прототипом Полины Александровны. Исповедальная форма записок, в которой выдержан роман, также указывает на доминирование биографического аспекта в сюжетной канве этого произведения.

Таким образом, правовой дискурс романа «Игрок» обеспечивает его четкую структуризацию, позволяя главной идее этого произведения – идее страсти к игре – разворачиваться в контексте правовой ситуации 60-х гг. XIX века. Затрагиваемые Достоевским правовые проблемы наследства, чести и достоинства, игры в рулетку и долговых тюрем демонстрируют преимущественно правовую направленность художественного сознания писателя, специфическим образом преломленного в романе «Игрок».

Список литературы

1. Бачинин В. А. Достоевский: метафизика преступления (художественная феноменология русского протомодерна). — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. — 412 с.
2. Бузина Т.В. Судьба и случай: разрушение героического фатализма в «Игроке» / Достоевский и мировая культура. — 2016. — № 33. — С. 246-257
3. Габдуллина В.И. Притчевая стратегия авторского дискурса в романе Ф.М. Достоевского «Игрок» // Проблемы исторической поэтики. — 2011. — №. 9 — С. 191-200
4. Ельницкая Л.М. Хронотоп Рулетенбурга в романе Достоевского «Игрок» / Достоевский и мировая культура. — 2007. — № 23. — С. 16-22
5. Кийко Е.И. Комментарий к роману «Игрок» / Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. — СПб.: Тип. Ф. Стелловского, 1866. — С. 5-63
6. Кони А. Ф. Федор Михайлович Достоевский / Кони А.Ф. Воспоминания о писателях, сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова. — М.: Правда, 1989. — 496 с.
7. Рейфман И. В. Ритуализованная агрессия: Дуэль в русской культуре и литературе. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 336 с.

8. Румянцева Э.М. Проблема преступления и наказания в творчестве Достоевского / Анализ художественного произведения: Худож. произведение в контексте творчества писателя: Кн. для учителя / Е.И. Анненкова, Э.М. Румянцева, М.Л. Семанова и др.; Под ред. М.Л. Семановой. – М.: Просвещение, 1987. – 176 с.
9. Сараскина Л.И. Магический реализм романа Ф.М. Достоевского «Игрок» как феномен «опасного» творчества / Достоевский и мировая культура. – 2003. – № 17. – С. 389-398
10. Сафронова Е.Ю. Дискурс права в творчестве Ф.М. Достоевского 1846–1862 гг: монография / Е. Ю. Сафронова; под науч. ред. С. М. Козловой. — Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2013. — 182 с.
11. Сафронова Е.Ю. Право в художественном сознании Ф.М. Достоевского // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2012. – № 3 (118). – С. 147-157
12. Ф.М. Достоевский. Игрок / Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. Т. 4. – 783 с.

В. А. Паскаль
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к.филол.н., доцент Т. А. Богумил

ПОЭТИКА НОМИНАЦИЙ В ДРАМЕ Э. РАДЗИНСКОГО «104 СТРАНИЦЫ ПРО ЛЮБОВЬ»

Аннотация

Статья знакомит с поэтикой номинаций в пьесе Э. Радзинского «104 страницы про любовь». Устанавливается содержательность отсутствия списка действующих лиц. Дается этимология имён ключевых действующих лиц, выявляется связь значений и форм имён собственных с характерами персонажей, их систематикой и сюжетом.

Ключевые слова: имя, номинация, афиша, Э. Радзинский, архетип.

Как известно, в драматическом тексте автор проявляет себя в рамочных компонентах: список действующих лиц, ремарки и пр. Через взаиморасположение персонажей в афише выражается авторское видение мира и места человека в нём [1, с. 12].

В пьесе «104 страницы про любовь» списка действующих лиц нет, что не характерно для драмы. Но и такой авторский ход имеет значение. Отсутствие афиши, с одной стороны, говорит о самоустранении автора. Таким образом, все творческие интенции отданы читателю (зрителю). С другой стороны, это отражает хаотичное строение мира, а также снимает любую иерархию. Все действующие лица становятся равнозначными, равноправными в плане